

УДК 316.42

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОР (МИНСК)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРИЙ

Рассматриваются версии теоретической интерпретации трансформации постсоветского общества, распространенные в России в разные периоды ее современного развития. Особое внимание уделено теориям модернизации, заимствованным в последние годы и получившим неоднозначную трактовку у российских социологов.

Ключевые слова: трансформация, социальные теории, постсоветское пространство, Россия, модернизация.

The article discusses interpretations of the transformation in the post-soviet society that have been spread in Russia during the periods of its post-soviet development. Special attention is paid to theories of modernization that have become adopted recently and got ambiguous evaluation among Russian sociologists.

Key words: transformation, social theory, post-soviet space, Russia, modernization.

Универсальные теории трансформации на российском постсоветском пространстве

Проблематика трансформации, хорошо известная и многократно обсуждавшаяся в научных публикациях, сохраняет сложность и многозначность в современной России. Это относится как к трансформационным теориям постсоветского общества, так и к модернизационным теориям и их использованию для понимания происходящих в России изменений.

Вопрос о выборе теории изменений не только теоретический. Выбор теоретической рамки или парадигмы анализа развития постсоветского общества – не просто поиск «лучшей» или «самой подходящей» для российского общества концепции с точки зрения научных критериев. В процесс выбора так или иначе вмешивается политика: селекция определенной теории предопределяется расстановкой сил между научными школами и странами, где эти школы представлены. Так, длительный интерес к теории столкновения цивилизаций Сэмюэля Хантингтона¹ связан не столько с оригинальностью или объяснительной силой его теории, сколько с тем, что С. Хантингтон представлял влиятельный Гарвардский университет. Чаще всего и сегодня, кроме прочих важных факторов, страна и учебное заведение, представителем которых является автор той или иной теории, имеют важное значение. По этой причине, как утверждает С. Ю. Барсукова, невозможно ожидать, чтобы какие-либо теории российских авторов сегодня завоевали ведущие позиции в мировой общественной науке независимо от самих этих теорий².

На постсоветском пространстве России с начала 1990-х гг. западные теории изменения общества, претендующие на универсальный статус, получили широкое распространение. В качестве примера можно сослаться на популярную в 1990-е гг. транзитологию, отказ от которой на постсоветском пространстве произошел лишь в новом столетии, когда она была опровергнута самой историей: в 85 из 100 стран «третьей волны» демократизации политические перемены не привели к победе демократии –

эти страны (включая ряд постсоветских) попали в переходную «серую зону» неопределенности. Как признал один из теоретиков этой теории Т. Карозерс³, причина провала транзитологии в неправомочности ее применения к разным странам и регионам мира без учета исторических условий, в которых осуществлялись процессы изменения. Транзитология подверглась критике и в российской социологии, где в настоящее время преобладают критические оценки западных концепций постсоветского транзита⁴. И это логично, особенно после того, как многие западные теоретики открыто признали неудачу в навязываемых ими путях и механизмах постсоветской трансформации. Эта теория полностью не оправдала себя и требует теоретической замены⁵.

Пример с неудачей применения универсальной теории демократического транзита к объяснению трансформаций конца XX в. в разных странах свидетельствует, что теории универсального типа, будучи заимствованными той или иной страной из мировой социологии, всегда нуждаются в критическом анализе, переосмыслении и эмпирическом тестировании. Возможен также иной подход: замена универсальных теорий другими объяснительными теориями, созданными для данного региона и отвечающими критериям общей социологической теории. Проблема в том, что бывает сложно правильно определить индикаторы для верификации общих теорий, без наличия которых невозможно корректное определение уровня развития конкретной страны посредством сравнительного анализа ее показателей с другими странами. Поэтому даже понимая ограниченность универсальных социальных теорий, зачастую приходится к ним обращаться, внося в них коррективы или региональные ограничения.

Теории модерна как основа интерпретации развития российского общества

Теории модерна часто используются в качестве общих социальных теорий изменения и трансформации современного общества. Модерн – одна из центральных категорий и центральных проблем современной социальной теории. Семантически можно рассматривать модерн как цель (модель) развития общества, а модернизацию как механизм достижения этого уровня или состояния. В то же время дискурс общества модерна противоречив как в зарубежной, так и в российской науке, в результате одни и те же понятия трактуются по-разному, а сходные теории рассматриваются как самостоятельные.

Какие теории модерна распространены в российском социологическом сообществе и применяются для анализа перспектив развития России?

Прежде всего это теория множественности модернов, созданная израильским социологом Шмулем Айзенштадтом⁶. В отличие от эволюционной трактовки модерна как закономерного этапа развития человеческого общества⁷, где парадигма модерна – это общая парадигма социального развития, или перехода от традиционного (аграрного) общества к индустриальному, у Ш. Айзенштадта модерн – один из конкретно-исторических типов общества, а не универсальная стадия человеческой эволюции. Ш. Айзенштадт выдвинул тезис и подтвердил его в скрупулезных исследованиях ряда незападных обществ (Япония, Китай, Индия), что модерн – не единая модель общества, а, скорее, тип его развития, под который подпадают многие варианты. В разных модификациях этот тип может встречаться как на Западе, так и на Востоке и в других частях света. По мнению данного автора, варианты общества модерна не могут сравниваться между собой с точки зрения того, какой из них «лучше»: каждый «модерн» связан с конкретно-историческими условиями его развития.

Основное внимание Ш. Айзенштадт уделяет двум главным, с его точки зрения, аспектам измерения общества – культурному и политическому⁸. Культурный аспект дает возможность культурной интерпретации мира, выделения культурных ценностей и норм как основы всякого общества модерна. В рамках культуры Ш. Айзенштадт особое внимание уделяет религии (мировым религиям) как источнику, из которых черпают ценности и нормы более поздние культурные образования (включая право). Институты власти репрезентируют способы политической регуляции всех сфер социальной жизни, что делает политику второй важнейшей сферой исследования модерна. Разные комбинации религиозных и политических образований создают многообразие локальных форм цивилизаций модерна, или множественность модернит⁹. Таким образом, концепция Ш. Айзенштадта акцентирует внимание на ценностях культуры и, как считает его исландский коллега Йохан Арнасон¹⁰, раскрывает внутренние механизмы цивилизационного развития современного общества.

Указанный подход к модерну означает, что всякое общество, обладающее определенной организацией жизни и институтами (даже если они разные, но выполняют сходные функции), будет рассматриваться как особый вариант цивилизации. Все общества модерна можно считать особыми цивилизациями, не следующими единому образцу. Они самостоятельны, не подражают Западу в своем развитии. Вместе взятые, различные цивилизации образуют множество модернов как альтернативных интерпретаций современности, где каждый вариант есть локальный ответ на новые вызовы¹¹. Развивая этот взгляд для исследований разнообразных вариантов модерна в ряде стран мира, шведский ученый Бьорн Виттрок подчеркивает, что модерн – это «глобальное состояние», которое имеет единство, и в то же время институты и культурные особенности всегда отличаются от общества модерна от другого (например, нордическую модель от западноевропейской)¹².

Теория множества модернов, трактующая современное общество как вариативный набор цивилизаций, репрезентирующих множество модернов, получила широкую поддержку у ученых стран Азии, Африки, Латинской Америки, которые увидели в ней возможность рассмотрения своих стран как равнозначных западным странам в развитии. Современные российские теоретики рассматривают ее как перспективную при анализе современного состояния России и перспектив на будущее (М. В. Масловский, Б. Н. Миронов и др.). Эти авторы, вслед за Ш. Айзенштадтом, показывают внутреннюю противоречивость модернизации общества, невозможность представить этот процесс как управляемый и проходящий по некоему «плану». Эти характеристики социетальных перемен подходят для объяснения российской трансформации. Можно сказать, что теория множества модернов принята в России, однако пока еще используется узкой группой социологов-теоретиков.

Постмодерн как альтернатива теориям модернизации

В начале нынешнего века в России имел место повышенный интерес к еще одной теории, объясняющей социальные изменения, – теории культуры как автономной детерминанты социальных перемен, созданной американским социологом Джефффри Александером в рамках его оригинальной культуральной социологии (автор считает, что современное общество уже находится на новом уровне развития: из стадии модерна оно перешло в постмодерн, обретая такие новые важные черты, как диффузность и нелинейный характер развития)¹³. Следствием перехода к постмодерну могут быть разрывы социума, различные культурные травмы, релятивизация норм и ценностей¹⁴. В обществе постмодерна культура приобретает больше автономности, становится независимой переменной в объяснении социальных процессов. В прежние времена господства социологии культуры ученые якобы не смогли осознать автономии культуры и адекватно интерпретировать механизмы связи культуры с другими структурами общества и социальной деятельностью¹⁵. Культуральная социология позволяет предложить «сильную программу» в объяснении связей культуры и других компонентов общества, создать «структурный герменевтический проект», который предлагает новые нарративы для рефлексивной интерпретации социальной жизни.

Культуральные структуры трактуются автором как внутренние, латентные, обычно неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте определенной культуры¹⁶. Такую культуральную структуру в прошлом представлял веберовский «дух капитализма», на основании которой классик социологии проводил анализ генезиса капиталистической экономической и политической организации общества.

Культуральная структура создает определенную культурную программу, которая воздействует на ту или иную сферу жизнедеятельности, изменяет ее. Исследование любых культуральных структур требует фокуса на латентных культурных феноменах, а не на видимых реалиях общества¹⁷. По мнению Александра, эти структуры позволяют объяснять возникновение радикальных изменений в других сферах жизнедеятельности, включая политику и экономику. Они находятся прежде всего в виртуальной реальности, но по силе своего воздействия на образ мысли и действия людей могут быть столь же ощутимыми, как и материальные структуры, которым обычно приписывается детерминирование социального развития (экономические структуры, политика). Культуральные структуры осуществляют воздействие через производимые ими смыслы, которые могут обретать автономное существование, собственную власть, подчас выходящую из-под контроля своих создателей.

Агенты действия, интериоризирующие культурные смыслы, становятся и агентами социально-культурных изменений. Активистский подход американского социолога особо подчеркивает их важность в процессе изменения общества.

Как подчеркивает Александер, в современном обществе многие культуральные структуры формируются не целенаправленно. Однако есть и обратные случаи. Примером целенаправленно созданных культуральных структур являются имиджи, мифы, нарративы. Людям бывает трудно самостоятельно разобраться во множестве смыслов, которые создаются разными смыслопроизводящими институтами (медиа, реклама, пиар и пр.). Культуральная социология изучает механизм осуществления выбора тех или иных культурных смыслов в повседневной жизни простых людей, их мотивацию, выбор между альтернативными ценностно-нормативными системами и пр. Эти выборы особую важность имеют для сфер экономики и политики. По мнению Александера, общество постмодерна радикально изменяет эти сферы, так как меняется производство и распространение смыслов, регулирующих эти сферы и деятельность людей в них¹⁸.

Теория Джеффри Александера приложима к любому обществу, хотя на постсоветском российском пространстве она пока еще редко используется для анализа перемен, оставаясь лишь инструментом абстрактного теоретического анализа.

В рамках той же парадигмы социальных изменений посредством «сильной культурной программы» можно рассматривать и теорию культурной травмы польского социолога Петра Штомпки, которая создана на основе теоретического осмысления драматических событий посткоммунистической трансформации в Центральной и Восточной Европе¹⁹. Именно по этой причине теория П. Штомпки часто привлекалась в России начала 1990-х гг. – для интерпретации негативной реакции людей на социально-экономические перемены.

Сегодня представляется, что теория культурной травмы Штомпки потеряла актуальность для приложения к нынешним реалиям постсоветского развития: Россия перешла на новый (посттравматический) уровень и потому нуждается в иных теоретических схемах интерпретации. Тем не менее его акцент на активной роли агентов остается актуальным.

Западные теории модернизации

Наряду с общими теориями трансформации в современной России широко распространена риторика модернизации, с помощью которой властвующие российские элиты хотели бы определить стратегию развития страны. В научных кругах (как западных, так и российских), неизбежно рассматривающих процессы модернизации под углом зрения той или иной теории, преобладает более сдержанное и критическое отношение (не столь оптимистически однозначное, как у политических элит). Как считает американский теоретик мир-системного подхода Иммануил Валлерстайн, теория модернизации идеологически окрашена и предлагает капиталистическую модель общества, представленную как образец для всех. По И. Валлерстайну, «мы живем не в модернизирующемся мире, а в капиталистическом мире», который становится все более несправедливым по отношению к странам, не находящимся в центре этого мира²⁰.

На теоретическом фундаменте тех или иных концепций модернизации базируются ведущие международные исследовательские проекты, цель которых – выявление «магистрального пути развития», определение «уровня модернизационного развития» той или иной страны и региона, применение результатов для объяснения особенностей развития страны и т. п. Поэтому эмпирическое тестирование схем, разработанных в теориях модернизации и использованных в международных исследованиях, помогает понять тренды развития на постсоветском пространстве.

Применяя теорию модернизации, необходимо учитывать семантику терминологии. Теория модернизации представляется двойственной, что связано с базовой категорией «модерн», из которой и выведен производный термин «модернизация». Это некий «нормативный образец» развития, ценностный ориентир, а также обозначение фактического состояния современного общества (причем не только западного образца), в котором имеют место определенные институты, формы производства, социальной структуры, нормы культуры и ценности. Поэтому эмпирическое изучение «общества модерна», или процессов модернизации, – это практическое исследование современного общества, позволяющее сравнивать разные этапы развития общества, определять тенденции его развития и даже прогнозировать возможные будущие сценарии развития. В рамках такого подхода более «продвинутые» по пути модернизации общества могут трактоваться как «образцы», а другие – как отстающие в процессе модернизации и, следовательно, пытающиеся «догнать» лидеров («догоняющая модернизация»). Такая теоретическая и одновременно идеологическая репрезентация превращает теорию модернизации в догму, канонизирует один проект развития, тог-

да как реальная история всегда имеет альтернативные проекты и никогда не бывает жестко предсказуема, сохраняя сегодня существенные моменты неопределенности и риска.

В прикладных исследованиях в России более признана модернизационная теория, более тридцати лет развиваемая группой авторов под руководством американского социолога Рональда Инглхарта. В этой теории выделяется универсальный образец, или магистральный путь развития общества, определяемый по доминирующим ценностям²¹. Соответственно, при аппликации данной теории к эмпирическим исследованиям выделяются критерии этого образца. Замер развития общества по этим критериям позволяет определить, на какой ступени развития находится та или иная страна. Практическая «приложимость» данной теории к международным социологическим исследованиям позволила сделать ее чрезвычайно популярной в мире. На фундаменте этой теории уже несколько десятков лет проводятся исследования в рамках крупномасштабных проектов World Value Studies и European Value Studies, куда включена и Россия.

Базовый тезис теории в том, что основанием масштабных изменений в социальной, культурной и политической сферах являются социально-экономические изменения, которые предшествуют изменениям ценностей. Как утверждает Р. Инглхарт, этот тезис подтвердился данными опросов, проводившихся в 81 стране, где проживает до 85 % населения планеты, с 1981 по 2008 г. «Эти данные демонстрируют, что основополагающие ценности и убеждения, характерные для членов передовых обществ, радикальным образом отличаются от ценностей и убеждений жителей менее развитых стран – и что эти ценности в процессе социально-экономического развития эволюционируют в предсказуемом направлении. Изменение ценностей, в свою очередь, ведет к важным социально-политическим последствиям, способствуя утверждению гендерного равенства и демократических свобод и совершенствованию государственного управления»²². Подход, который в конечном счете был принят Р. Инглхартом, отвергает «как экономический, так и культурный детерминизм»²³: он пытается объединить все стороны развития общества воедино, но при этом общая «прогрессивная» направленность развития четко определена: главный критерий прогресса – рост ценностей самовыражения. Например, как считает Р. Инглхарт, именно приоритетность ценностей самовыражения позволила населению ряда посткоммунистических центрально-европейских стран успешно продвинуться по пути развития демократии после краха системы социализма, тогда как другие страны не столь далеко продвинулись на этом пути: «продолжительные и глубокие экономические неурядицы могут развернуть процесс вспять, что мы наблюдали в 1990-х гг. в большинстве постсоветских государств»²⁴.

В основу теории «двойного ценностного перехода» Р. Инглхарта положена модернизационная идея, связывающая культурное развитие с этапом социально-экономической модернизации страны. Эта теория за более чем два десятилетия ее развития претерпела значительные изменения, сама была «модернизирована» автором²⁵. Согласно последней версии этой теории процесс модернизации тесно связан с культурными изменениями в трансформирующемся обществе и способствует (либо не способствует) развитию личности в этом обществе²⁶. Только утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество нового типа – в центре его находится человек. Таким образом, модернизация в социально-экономической сфере, утверждение ценностей самовыражения в культурной сфере и демократизация представляют собой компоненты единого основополагающего процесса – человеческого развития. Лейтмотив этого процесса – расширение свободы выбора. В данной трактовке подчеркивается важнейшая роль изменений в культурной сфере, что ранее игнорировалось. Этим и отличается новая версия модернизационной теории Р. Инглхарта²⁷.

Сам процесс модернизации общества происходит постепенно, в два этапа. На первом этапе (индустриализации) доминируют материалистические ценности и создаются условия для будущего экономического благополучия населения. Однако в обществе сохраняются относительно скромные экономические условия жизни, поэтому ценности выживания преобладают. На второй стадии модернизации, т. е. на этапе перехода к постиндустриальному обществу, когда все базовые потребности населения удовлетворены, общество переходит и на более высокую ступень развития ценностей культуры²⁸. «Двойной» или амбивалентный подход к интерпретации процесса модернизации состоит в признании обратимости процессов изменения: при успешной социально-экономической модернизации общество развивается в сторону развития ценностей самореализации и свободы (личные свободы, свобода выбора в сфере религии и морали, индивидуализация стиля жизни), или постматериалисти-

ческих ценностей; при замедленной модернизации, или ее отсутствии в обществе, или даже при затяжных экономических кризисах доминируют материалистические ценности, или ценности выживания²⁹. «Изменения в культурной сфере меняют свою направленность в ответ на масштабные сдвиги в условиях существования людей», – утверждают авторы³⁰. Универсальный характер данной логики взаимосвязей между модернизацией и культурными изменениями делают возможным применить эту теорию и к развитым странам Запада, и к развивающимся странам Азии и Африки, и к постсоветским странам, включая Россию.

Для объяснения российской трансформации важен сделанный Р. Инглхартом обобщающий вывод о механизме модернизации, в котором «отправной точкой является культура, а конечной – институты, а не наоборот»³¹. Этот вывод свидетельствует, что демократию нельзя «перенести» или «привить» в общество, в котором не созданы для нее культурные условия. Сами институты демократии останутся имитационными, если в обществе не развита демократическая политическая культура, а ее развитие не может быть осуществлено одновременно. Отсюда Р. Инглхарт делает три дополнительных вывода, которые существенно дополняют прежнюю (классическую) теорию модернизации общества 1950–60-х гг.:

1) важно не только социально-экономическое развитие общества, но и культурные факторы (идеология, религия);

2) развитие общества не имеет линейного характера, оно не предопределяется извне или заранее;

3) утверждение культурных ценностей самовыражения эмансипирует личность и общество, повышает уровень их независимости от государственных институтов и тем самым создает необходимые условия для утверждения демократии. Для постсоветской России усвоение этих закономерностей, выведенных на основе анализа эмпирического материала разных стран, могло бы способствовать повышению уровня теоретического анализа данных собственных исследований.

Для понимания процессов российской трансформации важен вывод Р. Инглхарта о нелинейном и вероятностном (а не жестко детерминированном экономикой) характере развития модернизирующегося общества. Успешное социально-экономическое развитие страны создает объективные условия для ценностных изменений, но для дальнейшего продвижения «по пути модернизации» необходимо, как подчеркивает Р. Инглхарт, чтобы «население страны долгое время жило в условиях экономического благополучия»³².

Теория модернизации Р. Инглхарта не только используется в мировых сравнительных исследованиях развития общества, куда постоянно входит Россия. Некоторые идеи Р. Инглхарта (о взаимосвязи ценностей и успехов экономического развития, о демократии) творчески переработаны российскими социологами (например, Н. И. Лапиным) и использованы в их теориях, объясняющих трансформацию российского общества, особенно ее ценностные аспекты. Важно подчеркнуть, что как интерпретации в рамках мировых исследований ценностей под руководством Р. Инглхарта, так и российские эмпирические исследования под руководством отечественных авторов и предлагающих анализ результатов по собственным теоретическим схемам, находят себе нишу в современной России и позволяют под разным углом зрения осмысливать те трансформационные изменения, которые происходят в ней уже более двадцати лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ² См.: Барсукова С. Ю. Российские неформальные практики: экспортный вариант // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3. С. 99.
- ³ См.: Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 1. P. 6.
- ⁴ См.: Красин Ю. А. Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 6. М., 2007. С. 254–264.
- ⁵ См.: Карозерс Т. Трезвый взгляд на демократию // Pro et Contra. 2005. № 1. С. 73–74.
- ⁶ См.: Eisenstadt S. Multiple Modernities // Daedalus. Winter, 2000. P. 98–122.
- ⁷ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997; Смелзер Н. Социология. М., 1994.
- ⁸ См.: Eisenstadt S. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 2. Leiden, 2003.
- ⁹ См.: Eisenstadt S. Multiple Modernities. P. 120.
- ¹⁰ См.: Arnason J. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions. Leiden, 2004.
- ¹¹ См.: Eisenstadt S. Указ. соч.
- ¹² См.: Nordic paths to modernity / ed. by J. Arnason and B. Wittrock. New York ; Oxford ; Berghahn, 2012. P. 155.

- ¹³ См.: Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford, 2003. P. 13.
¹⁴ См.: Alexander Jeffrey C. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004. P. 10.
¹⁵ См.: Alexander J., Smith P. The Strong Program in Cultural Sociology. Elements of Structural Hermeneutics [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://ccs.research.yale.edu/about/strong-program> (дата обращения : 15.08.2013).
¹⁶ См.: Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. Oxford, 2000. P. 3–4.
¹⁷ См.: Alexander J., Smith P. Указ. соч.
¹⁸ См.: Alexander J. Указ. соч. P. 12–13.
¹⁹ См.: Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12; Szto mpka P. The Trauma of Social Change: a case of postcommunist societies // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, 2004. P. 155–195.
²⁰ См.: Валлерстайн И. Модернизация: мир праху ее // Социология. 2008. № 2. С. 21–25.
²¹ См.: Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.
²² См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 10.
²³ Там же. С. 71.
²⁴ Там же. С. 77.
²⁵ См.: Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles in Advanced Industrial Society. Princeton, 1977; Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997; Inglehart R., Welzel C. Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // Perspectives on Politics. 2010. Vol. 8. № 2. P. 551–567.
²⁶ См.: Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. New York, 2005. P. 14.
²⁷ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 12.
²⁸ См.: Inglehart R., Welzel C. Указ. соч. P. 86–90.
²⁹ Ibid. P. 15.
³⁰ См.: Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 59.
³¹ Там же. С. 16.
³² Там же. С. 39.

Поступила в редакцию 17.10.13.

УДК 316.343 – 057.2

В. Э. СМЕРНОВ,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

«НЕПОПУЛЯРНЫЙ КЛАСС» В СОВРЕМЕННОМ «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»

В статье предлагается новый взгляд на критерии классообразования в современном обществе. В рамках марксистского подхода развивается положение о том, что в основе классообразования лежит исторически конкретная система разделения труда, обосновываются ее особенности, заключающиеся в разделении и фактическом обособлении всеобщего, совместного, абстрактного и конкретного труда. Данный подход позволяет рассмотреть не только состояние и функции в обществе так называемого «непопулярного класса» (рабочих), но и процессы самоидентификации, классового самосознания и, соответственно, его социальной субъектности.

Ключевые слова: социальная структура общества, классы, разделение труда, содержание труда, рабочий класс, всеобщий труд, совместный труд, абстрактный труд, фактически абстрактный труд, самоидентификация, классовое самосознание, социальная субъектность.

A new view on criteria of class-making in a modern society is suggested in the article. In the framework of the Marxist approach the provision that a historically definite system of labour division serves the basic of class-making is developed. The system's particularities which are division and actual separation of general, joint, abstract and specific labour are given grounds for. The given approach helps to consider not only the state and functions of the so called «unpopular class» (working people) in the society, but the processes of self-identification, class consciousness and, consequently, its social subjectivity.

Key words: social structure of society, classes, division of labour, labour contents, working class, general labour, abstract labour, self-identification, class consciousness, social subjectivity.

Теории второй половины XX в., предсказывающие бурное развитие информационных технологий, торжество экономики знания, решительное ослабление роли индустриального труда, преобладание умственного, управленческого и обслуживающего труда, подтвердились лишь отчасти. Во всяком случае, историческая реализация